

Освоение гротескной фантастики в 7-8 кл.: "Сфинкс" Э.А. По

Вначале позволю несколько вводных теоретических соображений.

Как правило, за редким исключением освоению произведений, относящихся к традициям фантастики и гротеска, на традиционных уроках литературы отводится крайне мало времени, а о подходах к ее изучению в школе и говорить не приходится. Это, безусловно, приводит к тому, что у многих читателей-выпускников складывается нерушимое представление о литературе исключительно как об особой форме отражения действительности. Не случайно массовое российское сознание в диалогах о спорных явлениях искусства часто использует наивно-реалистические аргументации из серии «так бывает в жизни, а вот так не бывает».

Между тем, изучение гротескной традиции в литературе помогает читателям понять сосуществование в истории культуры двух стратегий создания художественного мира – одна из которых построена на принципах «классической» (или реалистической) образности, другая – на принципах образности гротескной. Освоение той ветви литературной эволюции, завершением которой является авантюрная фантастика XX века, а также тех жанров, которые — в трансформированном виде — вошли в ее репертуар (рыцарский роман, “готическая” литература, философская сатира эпохи Просвещения и XIX века, классическая утопия и антиутопия) развивает у читателей и представление о разных типах художественной условности, организованной в одном случае на принципах прямой перспективы, а в другом – перспективы обратной. Осмысление гротескно-фантастического «пограничного» образа мира (сюжетного *перехода* от обычной, знакомой читателю действительности, к миру, находящемуся за пределами возможного) необходимо и для понимания многих явлений литературы XX века.

Напомню, что *гротеск*, являясь одной из форм художественного «мирообраза» (наряду с «классическим») в теории литературы и эстетике мыслится как разновидность фантастического способа изображения реальности, основанное на совмещении границ, метаморфозах (превращениях) прямо противоположных явлений (малого / большого; верхнего / нижнего; «возможного» / «невозможного»; человеческого / нечеловеческого; живого / неживого и пр.). Гротеск создает пространственно-временную перекомбинацию предметов и частей тела и обращается к оптике «обратной перспективы», использование которой мотивируются столкновением *героя* (и/или *читателя*) с явлением, выходящим за рамки той картины мира, что принято считать «обычной» («объективной», «обыденной», «исторически правдивой / достоверной» и пр.).

Гротескная фантастика характеризуется тремя чертами: смешением разнородных областей природы, безмерностью в преувеличениях и умножением отдельных органов. «Свободная игра телом» в гротескной фантастике стирает границу между физическим и умственным, материальным и духовным, вещественным и словесным, субъектным и объектным, порождая амбивалентные (двуединные) образы. Многочисленные средневековые «бестиарии», истории о путешествиях как действительных (Марко Поло, 13 в.), так и вымышленных (Жан де Мандевиль описывал драконов, гарпий, ликорн, фениксов и др.) изобилуют сюжетными и несюжетными миниатюрами, рассказывающими о людях, тело которых имеет гротескный образ. Особое внимание уделялось описанию невиданных человеческих существ, отличающихся «смешанным» телом (например, гиппоподы, ноги которых снабжены копытами, сирены, циноцефалы, лоающие вместо того, чтобы говорить, сатиры, оноцентавры; великаны, карлики, пигмеи; люди, наделенные разнообразными уродствами: сциоподы, имеющие одну ногу, леуманы, лишённые головы, с лицом на груди; люди с одним глазом или на лбу, или на плечах, или на спине; шестирукие люди т.п.). Все это, как писал русский мыслитель М. М. Бахтин, – «необузданное гротескное фантазирование, «нарушение всех границ между телом и миром» (Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле. - С. 382, 384). Важное значение традиции гротескной фантастики приобретает в готических романах, где границы между *рациональным* и *иррациональным*, *живым* и *мертвым*, *прошлым* и *настоящим* оказываются смещёнными: призраки разговаривают с живыми, неодушевленные предметы проявляют свою тайную сущность и т.п. (Пример с «Пиковой дамой»).

Таким образом, задачи обучения в курсе, посвященном изучению гротескной фантастики, могут быть следующие:

- сформировать представления об *особом фантастическом (и/или гротескно-фантастическом) варианте* образа мира в литературе;
- смоделировать творческие и исследовательские условия проявления эстетического «чувства дистанции» по отношению к *абсолютно чуждому* миру героя, в котором возможны *совершенно невозможные* (с точки зрения первичной реальности) вещи;
- углубить знания о литературном сюжете и разновидностях гротескного «двоемирия» и ситуаций «перехода границ».

В литературно-образовательном цикле, разработанном нами в соавторстве с Н.Д. Тмарченко освоение гротескных традиций в 7 (или 8 кл.) открывается чтением и анализом новеллы Э. По «Сфинкс». Перед тем, как обратиться к литературно-образовательному потенциалу этого небольшого эпического произведения, напомним краткое содержание новеллы.

Герой новеллы неправильно определяет расстояние до замеченного через окно насекомого и принимает его за страшное чудовище громадных

размеров. На эту ошибку указывает друг героя, хозяин дома, в котором он гостит. Казалось бы, смысл новеллы представляется ничтожным, если, как справедливо заметил Л.Ю. Фуксон в книге «Чтение», «принять за него мнение героя-резонёра, быстро догадавшегося обо всём и объяснившего причину недоразумения».

Новелла По обладает весьма интересным литературно-образовательным потенциалом (а именно его необходимо учитывать при выборе материала в цикле занятий по той или иной теме). Во-первых, она короткая, ее можно прочесть прямо на уроке. Во-вторых, ее основу составляет новеллистический сюжет с «ложным пуантом», а значит, при чтении новеллы можно сделать обрыв на соответствующем «пуантном» месте. В-третьих, повествование По позволяет продолжить освоение таких важнейших понятий как *рассказчик* и *точка зрения*, без которых формирование представлений о позиции автора в литературном произведении выглядеть будет, мягко говоря, странно. И, самое главное, в-четвертых, здесь демонстрируется то, что Ц. Тодоров называл «колебанием читательского восприятия» - от рационалистического объяснения произошедшего к объяснению сверхъестественному и, соответственно, наоборот. Последнее понять невозможно без прояснения *общей ситуации* и намечившегося в произведении *конфликта*.

Главные задачи занятия, о котором пойдет речь, были следующие:

- освоение начальных представлений о гротескном «двоемирии» и гротескном видении;
- развитие способов творческого чтения и письма «с продолжением»;
- совершенствование процедур анализа точки зрения (выделение элементов, их описание, сравнение (сопоставление), обобщение).

При знакомстве с новеллой использовался прием «прогнозированного чтения»: во время чтения текста была сделана остановка («обрыв») и опущено одно из событийных звеньев, а именно финальное, в котором изображалась точка зрения друга рассказчика на основное событие.

Приведем полностью текст «оборванной» новеллы в переводе В. Хинкиса:

Сфинкс¹

Во время страшного владычества холеры в Нью-Йорке [Имеется в виду эпидемия холеры начала 1830-х годов, распространившаяся из Европы на Северную Америку] я воспользовался приглашением одного из моих родственников провести у него две недели в его уединенном, комфортабельном коттедже на берегу Гудзона. В нашем распоряжении были все обычные летние развлечения; прогулки по лесу, рисование с натуры, катание на лодках, рыбная ловля, купание, музыка и книги позволили бы нам провести

¹ *Сфинкс* (др.-греч. «душительница») - в древнегреческой мифологии чудовище с головой женщины, лапами и телом льва, крыльями орла и хвостом быка, персонаж легенды об Эдипе. Путникам, направлявшимся в Фивы, он задавал загадку: „Что ходит на четырех ногах, на двух и на трех, и чем больше ног, тем оно слабее?“ Тех, кто не мог разгадать загадку (отгадка: «Человек»), он съедал. В мифологии и произведениях искусства чаще всего символизирует трудно разгадываемую тайну.

время довольно приятно, если бы не страшные известия, каждое утро доходившие к нам из огромного города. Не было дня, чтобы мы не узнавали о смерти того или иного знакомого. По мере усиления эпидемии мы научились ежедневно ожидать потери кого-то из друзей. Под конец мы со страхом встречали появление любого вестника. Самый ветер с юга, казалось, дышал смертью. Эта леденящая мысль всецело завладела моей душой. Ни о чем другом я не мог говорить, думать или грезить во сне. Мой хозяин отличался меньшей впечатлительностью и, хотя был сильно подавлен, всячески старался подбодрить меня. Его философский ум никогда не поддавался призракам. К реальным ужасам он был достаточно восприимчив, но их тени не вызывали у него страха.

Его старания рассеять мое болезненное, мрачное настроение оказывались почти безуспешны по вине некоторых книг, которые я обнаружил в его библиотеке. Их содержание способно было вызвать к жизни все семена наследственных суеверий, таившиеся в моей душе. Я прочитал эти книги без его ведома, и он поэтому зачастую не мог понять причин, столь сильно действовавших на мое воображение.

Любимой темой моих разговоров были приметы и знамения - веру в знамения я одно время готов был отстаивать почти всерьез.

На эту тему у нас происходили долгие и оживленные споры; он говорил о полной беспочвенности подобны верований, я же утверждал, что убеждение, возникающее в народе совершенно стихийно - никем не внушенное, - само по себе содержит несомненную долю истины и имеет право на уважение.

Дело в том, что вскоре по приезде в коттедж со мной произошло нечто до того необъяснимое и зловещее, что мне простительно было счесть это предзнаменованием. Я был настолько подавлен и вместе с тем озадачен, что прошло много дней, прежде чем я решился рассказать об этом моему другу.

На исходе очень жаркого дня я сидел с книгой в руках возле открытого окна, откуда открывался вид на берега реки и на отдаленный холм, который с ближайшей к нам стороны оказался почти безлесным вследствие так называемого оползня. Мысли мои давно уже отвлеклись от книги и перенеслись в соседний с нами город, где царил уныние и ужас. Подняв глаза от страницы, я увидел обнаженный склон, а на нем -- отвратительного вида чудовище, которое быстро спустилось с холма и исчезло в густом лесу у его подножия. При появлении этого существа я сперва подумал, не сошел ли я с ума, и во всяком случае не поверил своим глазам; прошло немало времени, пока я убедился, что не безумен и не сплю. Но если я опишу чудовище, которое я ясно увидел и имел время наблюдать, пока оно спускалось по склону, читателям еще труднее, чем мне, будет в него поверить.

Размеры чудовища, о которых я судил по стволам огромных деревьев, мимо которых оно двигалось, - немногих лесных гигантов, устоявших во время оползня, - были значительно больше любого из океанских судов. Я говорю "судов", ибо чудовище напоминало их своей формой - корпус нашего семидесятичетырехпушечного военного корабля может дать довольно ясное представление о его очертаниях. Рот у него помещался на конце хобота длиной в шестьдесят-семьдесят футов, а толщиной примерно с туловище слона. У основания хобота чернели кочья густой шерсти -- больше чем на шкурах дюжины бизонов; оттуда торчали книзу и вбок два блестящих клыка вроде кабаньих, только несравненно больше. По обе стороны хобота тянулось по гигантскому рогу футов в тридцать-сорок, призматическому и казавшемуся хрустальным - в них ослепительно отражались лучи заходящего солнца. Туловище было клинообразным и острием направлено вниз. От него шли две пары крыльев, каждая длиной почти в сто ярдов; они располагались одна над другой и были сплошь покрыты металлической чешуей, где каждая чешуйка имела в диаметре от десяти до двенадцати футов. Я заметил, что верхняя пара соединялась с нижней толстой цепью. Но главной особенностью этого страшного существа было изображение черепа, занимавшее почти всю его грудь и ярко белевшее на его темном теле, словно тщательно выписанное художником. Пока я глядел на устрашающее животное и особенно на рисунок на его груди с ужасом и предчувствием близкой беды, которое я не в силах был побороть никакими усилиями разума, огромные челюсти, помещавшиеся на конце его хобота, внезапно раскрылись, и из них раздался громкий и горестный вопль, прозвучавший в моих ушах зловещим предвестием; едва чудовище скрылось внизу холма, как я без чувств упал на пол.

Когда я очнулся, первым моим побуждением было, разумеется, сообщить моему другу все, что я видел и слышал, - и я затрудняюсь объяснить чувство отвращения, которое почему-то меня удержало.

Но как-то вечером, дня через три или четыре после этого события, мы вместе сидели в комнате, где мне предстало видение; я сидел в том же кресле у окна, а он полулежал вблизи от меня на софе. Вызванные временем и местом ассоциации побудили меня рассказать ему о странном явлении. Он выслушал меня до конца, сперва смеясь от души, а затем сделался необычайно серьезен, словно не сомневался в моем помешательстве. В эту минуту я снова ясно увидел чудовище и с криком ужаса указал на него. Мой друг внимательно посмотрел, но стал уверять, что ничего не видит, хотя я подробно описал ему, как оно спускается по оголенному склону холма.

Моему ужасу не было предела, ибо я счел видение предвестием моей смерти или, еще хуже, симптомом надвигающегося безумия. Я в отчаянии откинулся на спинку кресла и закрыл лицо руками. Когда я открыл глаза, видения уже не было.

К моему хозяину, напротив, вернулось в значительной степени его прежнее спокойствие, и он очень подробно расспросил меня о внешнем виде фантастического создания. Когда я вполне удовлетворил его на этот счет, он испустил глубокий вздох облегчения, точно избавился от непосильного бремени, и с хладнокровием, показавшимся мне жестоким, вернулся к прерванному разговору о некоторых

вопросах умозрительной философии. Помню, что он между прочим особенно подчеркнул мысль, что главным источником всех человеческих заблуждений является склонность разума недооценивать или переоценивать какой-либо предмет из-за простой ошибки в определении расстояния.

<...> Тут он на мгновение остановился, подошел к книжному шкафу и достал элементарный курс естественной истории. Попросив меня поменяться с ним местами, чтобы ему легче было разбирать мелкую печать, он сел в мое кресло у окна и, открыв книгу, продолжал почти тем же тоном, что и прежде.

- Если бы не ваше подробное описание чудовища, - сказал он, - я, пожалуй, не смог бы показать вам, что это такое. Прежде всего позвольте прочесть вам школьное описание рода *Sphinx*, семейство *Strepsularia*, отряд *Lepidoptera*, класс *Insecta*, то есть насекомых. Вот это описание: "Четыре перепончатых крыла, покрытых цветными чешуйками с металлическим блеском; рот в виде закрученного хоботка, образованного продолжением челюстей; по сторонам его - зачатки жвал и пушистые щупики. Нижняя пара крыл соединена с верхней посредством жестких волосков; усики в виде удлиненной призматической булавы; брюшко заостренное. Сфинкс Мертвая Голова иногда внушает немалый страх непросвещенным людям из-за печального звука, который он издает, и эмблемы смерти на его щитке".

Он закрыл книгу и наклонился вперед, чтобы найти в точности то положение, в котором сидел я, когда увидел чудовище...

После прочтения текста читателям предлагалось самостоятельно, опираясь на факты художественной реальности, завершить новеллу: *Что произошло дальше и как, на Ваш взгляд, заканчивается история?*

В течение тридцати минут ребята сочиняли финалы истории Э.А. По – читатели стали писателями. Среди получившихся вариантов можно выделить несколько разновидностей. В одних из них акцент сделан на реалистическом объяснении всего случившегося с героем – Сфинкс оказался плодом его воображения и/или сновидения. Соответственно, все случившееся с героем объяснялось исключительно психологическими факторами. В других вариантах Сфинкс являлся носителем таинственных мистических событий, прежде всего связанных с мотивом предзнаменования болезни и даже (в некоторых вариантах) воплощением самой смерти. Случившееся с героем имело здесь сверхъестественную мотивировку. В третьих вариантах новелла завершалась некоторой неопределенностью – герой так и не мог окончательно решить, какова природа посетившего его существа – мистическая или исключительно психологическая, связанная с оптическим обманом. В четвертой разновидности финалов акцент делался на соотносении двух точек зрения: согласно точке зрения героя-рассказчика, увиденное им существо имело природу исключительно фантастическую, таинственную, согласно позиции его друга – исключительно рационально объяснимую.

Вот некоторые из предложенных ребятами вариантов (к сожалению, здесь отсутствуют немногочисленные примеры четвертой разновидности концовок новеллы).

Варианты финала новеллы Э.А. По «Сфинкс», предложенные читателями гимназии Салахова (г. Сургут).

1. Пробуждение ото сна. Сфинкс – воображаемый персонаж сна героя.

Алина Калиева

Спустя пять минут мой друг умер. Спустя еще десять гонец сообщил о скоропостижной смерти моих друзей в городе. Врачи утверждали, что все они умирают от сердечного приступа и последнее, что видят в своей жизни - это то, что происходит на улице. Они смотрят в окно и умирают. Я прекрасно понимал, что это не из-за холеры и не из-за сердечного приступа, они умирают из-за этого существа, который погубил уже сотни тысяч людей в городе и пригородах Нью-Йорка.

Я ждал следующего дня. И тут я проснулся.

2. Смерть героя от болезни. Сфинкс – предзнаменование болезни и фантастическое воплощение смерти.

Мария Чеснокова

...Я с отчаянным криком кинулся к хозяину, который, по всей видимости, не увидел этого существа. Рассказав о гигантском существе с хоботом, хозяин лишь рассмеялся и предложил расслабиться за чашкой горячего чая, однако я не мог просто забыть об увиденном. Недолго думая, я схватил книгу о предзнаменованиях и стал судорожно перелистывать страницы в поисках нужной. «Кажется, я не позволял брать книги из моей библиотеки, - промолвил хозяин, - но если это тебя успокоит, то удачи».

Я его не слышал. Вернее, я этого не желал. Я боялся увидеть очевидный исход. Найдя нужную страницу, я досконально прочитал её. В следующую секунду грозное чудовище возникло в комнате. Я знал, что рано или поздно этот момент настанет, и смерть настигнет меня. «Гигантское животное с ртом на хоботе и чёрными ключьями у его основания - к смерти». Цитата из книги. Хозяин стоял недоумеая. Жаль, что он не видел того, что видел я. Ему казалось, что я лишь глубоко над чем-то задумался, поэтому и замер, будто увидел привидение. На самом деле, так оно и было. В считанные секунды мой живот скрутило от жуткой боли, ноги свела сильная судорога, отчего я упал навзничь. Всё тело горело, я не мог пошевелиться. Хозяин быстро ко мне подбежал, не веря своим глазам и пытаясь хоть как-то помочь, но все его попытки были тщетны. Всё это время существо стояло рядом и с каждым моим вздохом приближалось всё ближе и ближе. Было трудно поверить в то, что я был болен холерой с самого начала моего визита к родственнику. Стало трудно дышать. Были слышны едва уловимые мольбы о возвращении хозяина. «Не бойся чешуйчатого существа с хоботом, лишь будь готов встретить его», - было моей последней фразой. Чудовище прикрыло мои глаза и отправилось за следующим мучеником.

Оксана Куринева

Я увидел, как он закрыл книгу и наклонился вперед, чтобы найти в точности то положение, в котором сидел я, когда увидел чудовище. Чувство страха за своего друга не оставляло меня.

- Неужели вы хотите почувствовать присутствие этого зверя прямо сейчас? Рядом с вами? - заявил я.

- Да, я хочу. Я уверен, что это оптический обман. Лучи падали так, что на стекле отобразилось существо. Полностью убедившись в неправильности моего суждения, я заберу свои слова обратно, - сделал серьезное лицо, сказал мой друг.

Я смотрел на него, пытался заметить все изменения, происходившие с ним. Видел, как ему было трудно определить точное положение тела. Друг, ерзая на кресле, на мгновение остановился и стал присматриваться. Капли пота незаметно скатывались с его морщинистого лба.

Я задумался. Сфинкс... Сфинкс Мертвая голова - это ужасный зверь, вызывающее страх и волнение.

- Это знак, знамение! - выкрикнул я.

Вернувшись в реальность, я увидел, как моего друга пробирает дрожь, все тело покрылось мурашками, глаза закатились. Я с ужасом подбежал к нему. Друг в судорогах упал на ковер перед креслом, рвота внезапно вылилась. Ему стало настолько плохо, что нужны были решительные и правильные действия. К сожалению, я ничего не мог сделать. Друг скончался. Его труп забрали специальные люди в черных одеждах.

Я сел в кресло и начал размышлять.

«Что же это за существо такое - Сфинкс? - подумал я. – Оптический обман, реальность? Загадка?

Все мысли спутались в моей голове.

- Симптомы похожи на... Холера! Нет! Загадка была именно в этом. Сфинкс приходит обозначить скорую смерть, болезнь холеры. Это был знак... А я ничего не смог. Помощи от меня не было, - с досадой проговорил я.

Я продолжал сидеть в кресле, как вновь увидел это же существо:

- Оно пришло. Смерть... Я болен!

В следующую минуту мой труп лежал на том же месте, где скончался друг.

Мария Грин

- Вы, верно, шутите. Это очень похоже на то, что я описал вам, но это... нечто, назовем его так, было огромным. Разве мог я перепутать насекомое с чудовищем, если только не жаркая погода повредила мой рассудок? – воскликнул я в ответ своему товарищу.

- Я же говорил вам об основах умозрительной психологии, друг мой, - покачал головой мой собеседник, - Иногда люди не могут точно установить размер объекта, который находится на довольно далеком от них расстоянии, и...

Его ответ прервал громкий телефонный звонок. С приходом разгулявшейся болезни в Нью-Йорк такие звонки не предвещали ничего хорошего, и мы оба это прекрасно понимали.

Мой товарищ, тяжело вздохнув, поднялся с кресла и подошел к телефону, стоящему на изящном столике из вишневого дерева.

- Алло?

Я наблюдал за товарищем, несмотря на то, что уже знал, о чем идет речь. Холера совсем разгулялась в Нью-Йорке. Это было неизбежно, как смерть или сама жизнь, ее жуткая ирония. Лицо моего товарища изменилось и совсем потемнело, когда он молча повесил трубку.

Он повернулся, и в его глазах я увидел только бесконечную усталость и беспомощность, словно он был загнанным лисицей кроликом.

- Кто? – мрачно спросил я, забыв обо всем, что тревожило меня ранее, минуту назад.

Омраченное его молчание нагнетало. Я заерзал во вполне удобном до этого кресле и пристально смотрел на своего товарища, пытаюсь предугадать его ответ.

- Ваша сестра, - он сказал это тихо, но с достаточной громкостью, чтобы я мог это слышать.

Мое дыхание даже не прервалось ни на секунду, все тело просто оцепенело, и я так и остался сидеть в одной позе.

- Мне... очень жаль, - голос моего друга донесся откуда-то снаружи, как будто я был пауком, пойманным в стеклянную банку.

Неожиданно я услышал громкий, пронзительный крик, заставивший мое сердце вздрогнуть. Я резко обернулся и увидел то самое нечто. Огромное чудовище появилось на вершине холма, громко заревело и бросилось бежать в сторону леса, но на полпути изменило траекторию и через секунду уже бежало в сторону дома. Я в ужасе вскочил с кресла, забыв обо всем на свете. Мой взгляд бегал по комнате, ища возможные пути защиты или спасения, но в следующую секунду рев стал настолько оглушительным, что я не смог больше двигаться, осел на пол, прижав ладони к голове. В следующую же секунду все перед глазами моими потемнело, затем стало светло, как днем, и я потерял сознание, наверно, больно ударившись головой.

* * *

Когда я открыл глаза, библиотеку заливал яркий солнечный свет, струившийся из огромных окон. В воздухе витал сладкий запах книг и далекий запах турецкого кофе. Я же обнаружил себя лежащим на небольшой кушетке, стоящей у выхода. Наверно, мой товарищ перенес мое обмякшее тело сюда. Моя шея затекла от неудобного положения во время продолжительного обморока, переходящего в затуманенный сон.

Все вчерашние события всплывали у меня в памяти какими-то неестественными обрывками, скользкими по моему израненному сознанию. Теперь смерть сестры не вызывала во мне никаких особых чувств. Возможно, это только сейчас, не долгосрочное торможение чувств и ощущений, вызванное продолжительной потерей сознания.

Я поднялся с кушетки и встал посреди освещенной жарким летним солнцем библиотеки. Мой взгляд скользил по книжным полкам и я наконец увидел, то, что тревожило мой ум, даже во время моего забвения. Я стремительно подошел к полке и резким движением снял с нее нужную, уже знакомую, книгу и быстро нашел соответствующую страницу. На книжном развороте передо мной предстало то же самое виденное мной чудовище. Это заставило меня поморщиться и более не смотреть на неприятную иллюстрацию. После нескольких минут изучения материала, мой взгляд привлекла пометка. Я переместил взгляд в конец страницы и прочел то, что было написано мелким шрифтом: «Сфинкс – мифическое существо, пожирившее тех, кто не отгадывал загадываемую им загадку». Наверно, в этот момент моя кровь потекла медленнее, приостанавливая все процессы жизнедеятельности. Ее кровавую загадку не может разгадать никто и, она, будто обиженный ребенок, проклинает всех за непонимание. Холера, словно Сфинкс, пожирала одного за другим, унося с собой то, что так усердно устанавливалось. Это чудовище пожирало и нас, терзаемых смертями близких...

Екатерина Пупынина

Меня насторожил его маневр. Я резко повернулся туда, куда был устремлен взгляд хозяина. Там было то самое существо, издававшее ужасающий звук. Видение продолжалось около двух минут, после чего чудовище исчезло в темноте. Еще несколько секунд мы сидели в полном молчании. Вдруг мой друг резко подскочил и начал что-то суетливо искать. Нашел чернила и лист и стал писать письмо своему знакомому доктору с просьбой приехать ему к нам. Ближайшие три дня в ожидании доктора прошли в страхе и напряжении. По приезде доктора нас обоих отвезли в госпиталь, где мы по сей день проходим лечение.

Александра Ефремова

Мой друг долго смотрел в окно застывшим взглядом, потом неожиданно зевнул и, потянувшись, встал:

- Советую вам идти спать, друг мой. А завтра поедем на рыбалку, развеетесь, как вам идея?
- Благодарю... Я еще немного посижу.
- Вам виднее, - мой хозяин еще раз протяжно зевнул и отправился в свою комнату, пожелав мне напоследок доброй ночи.
- Доброй...

Мне действительно не спалось. К сожалению, я не мог похвастаться такой скептичностью моего хозяина, и мысли о монстре не покидали меня. Ужасный череп мерещился перед глазами, а истошный вопль пронзал слух.

Я вздрогнул, отбросив видение, и взял оставленную другом книгу. Сознание с трудом цепляло расплывающиеся перед глазами символы. Несколько раз бездумно перечитав описание необычного насекомого, я осторожно взглянул в окно. Не увидев там ничего, кроме темного пятна холма на фоне догорающего неба, я с огромным облегчением вздохнул и решил все-таки последовать совету друга. Мной уже явно овладевала паранойя, я не смог спокойно пройти мимо открытого окна и все же зашторил его и лишь после этого отправился спать.

Сон был тяжелым и сумбурным. Проснувшись в холодном поту, я почувствовал ужасную сухость во рту, словно в пустыне. Не соображая ничего, я ринулся на кухню, и разом опустошил целый кувшин воды. Утолив жажду, я почувствовал себя намного лучше и попытался восстановить обрывки сна, но тщетно. Ничего. Кроме ужасного черепа и пронзительного крика.

Мы все же отправились на рыбалку и замечательно провели время. Около полудня мы вернулись домой, но нашему хорошему настроению не суждено было долго жить. Его омрачила очередная траурная весть: умер Джонатан.

Джо – парниша-почтальон, мы не были близкими друзьями, но это был человек из разряда тех, с которыми просто приятно перекинуться парой слов на ходу, так что его смерть слегка кольнула сердце. Тут же меня накрыла темная завеса хмурых мыслей, и я позволил им овладеть мной. Мой хозяин куда-то отлучился не менее удрученный, а я сел раскладывать пасьянс. Это ненадолго заняло меня.

Ближе к закату я еще раз увидел чудовище и с трудом смог отвести взгляд.

- Псс... Отвечай мне... - шептал незнакомый голос.
- Ч-что?.. – я мог только бесшумно двигать губами.

- Отвечай мне...

И вновь оглушительный вопль.

С испуганным криком я упал с кровати. Сбежал от губительного сновидения. Оно неизмеримо вымотало меня, я покрылся холодной испариной и безумно хотел пить.

Затем весь день у меня неприятно крутило живот. Моему хозяину тоже нездоровилось.

- Может, рыбу не дожарили? – предположил мой товарищ, оскорбляя мое поварское достоинство.

- Нет, ни в коем случае, - резко ответил я. – Возможно, дело в мясе.

Друг задумчиво кивнул, убив ферзем мою ладью.

Окна во всем доме были задернуты, а из дома мы не выбирались почти несколько дней кряду. Каждый день я с ужасом ожидал приближение ночи, а следовательно, и сна – место, где я был сильно уязвим.

Один за другим знакомые уходили из жизни, забирая с собой еще пару душ. Хандра овладевала мной все сильнее. Если мое недомогание ограничивалось только сухостью во рту, болезнь моего хозяина эволюционировала с поразительной скоростью, и вскоре единственный, кто помогал мне успокоиться, сам нуждался в нешуточной помощи. Я незамедлительно вызвал врача.

Врач поставил диагноз, которого я опасался больше всего. Змей холеры проник и в этот потаенный уголок и сразил моего хозяина. Бежать было больше некуда, и я заявил о своем намерении остаться вместе с другом.

- Отвечай мне... Псс... Отвечай...

- Ч-что?..

- Отвечай...

- Что отвечать? – я наконец услышал свой сдавленный голос, отдающийся эхом в голове, так же, как и голос незнакомца. Или незнакомки. По шепоту было сложно определить.

- Скажи мне... Кто это... Зарежет без ножа... Убьет без топора...

Я задумался. Ответ был очевидным, но я никак не мог собраться с мыслями.

- Это... Это же... Я знаю! Я знаю!

Я не успел.

Вновь вопль. И я проснулся.

Мой друг умер в пять часов пополудни. Скукожился и иссох, как осенний листок, давно сорванный ветром с дерева. Так ветер холеры оборвал его жизнь.

Меня трясло и тошнило, всюду меня преследовали призраки умерших.

- Я знаю, это всё ты! Это ты!!! – в диком исступлении кричал я, сорвав шторы со всех окон. Я выбежал на двор и безумными глазами осмотрел склон холма. – Ну же, где ты?! Выходи, я не боюсь тебя! Я ненавижу тебя!!!

Хотелось плакать. Хотелось убивать и рушить. Хотелось жить.

Тем вечером я не уснул, я просто потерял сознание.

- Отвечай... Отвечай...

- Опять ты?..

- Отвечай... Зарежет без ножа, убьет без топора...

- Смерть! Это смерть, я знаю! Это глупая детская загадка, я знаю! – сдавленный хрип перерастал в восторженный крик. – Я знаю!

Кажется, обладатель голоса ненадолго задумался.

- Это смерть! – для пущей уверенности повторил я темноте.

- Хорошо... - протянул голос. – Живи.

Последнее слово обрезал давно знакомый пронзительный вопль, за которым всегда следует мое пробуждение.

Я жадно втянул легкими воздух и почувствовал себя невероятно легким и свободным.

«Живи».

Я похоронил своего родственника и вернулся на берег Гудзона, где продолжал оставаться в коттедже до окончания эпидемии. Чудовище больше ни разу не посетило меня с тех пор.

Юлия Гребенюк

Через несколько дней я обратился к доктору и узнал, что заболел холерой. Когда я пришел домой, меня стали посещать разные мысли о том, что чудовище это нереально и что мой друг, может быть, тоже болен.

В течение двух недель меня мучила страшная лихорадка. Видения о жутком чудовище не прекращались. Доктор навещал меня каждый день, но лечение было не таким успешным. Уже никто не верил в мое выздоровление. Однако вскоре я пошел на поправку.

Но спустя долгие месяцы я наконец-то мог ходить, и вот однажды, когда я опять отправился на прогулку, я подумал, что давно не видел своего друга. На следующий день снова пришел доктор, и я решил поинтересоваться насчет своего приятеля, но меня ждали печальные известия: «Ваш друг не смог вынести холеры и скончался». В моих глазах помутнело, и я упал, потеряв сознание. Опять явилось это чудовище, это страшное и безобразное носатое насекомое, как говорил мой друг.

Когда я проснулся, то понял что чудовище не что иное, как посланник знамения. Оно появилось перед моим заболеванием, перед смертью друга, но третий раз...

Автор неизвестен

Наклонившись вперед и приняв в точности то положение, которое я занимал при чтении, он посмотрел вперед. Я с интересом наблюдал за ним, как он разгадывал тайну моих видений. Воцарилось интригующее молчание, в один момент мне показалось, что мой друг играет со мной, заставляя меня все больше сомневаться в реальности происходящего. Быть может, это всего лишь сон, бред, который преследует меня этим летом. Быть может, мне легче было представить мой страх, страх, который охватил меня в период эпидемии в облики ужасного существа.

Не знаю, что случилось, но я вернулся к реальности. Открыл глаза. Темнота. Холод. Страх.

- Ты болен, - сухо заметил мой друг, - долго не протянешь. Друг мой, который был человеком сдержанным, не показывал своего беспокойства, но ввиду того, как хорошо я знал его, могу утверждать, что это лишь маска. Недолго думая, я понял, что не хочу никому причинять вреда. Эпидемия слишком много забрала у нас. Пусть хоть кто-то останется в живых, возможно, это будет мой друг. А я уйду...

Валентин Орлов

После разговора с другом я несколько успокоился, однако смутное чувство беспокойства всё ещё не покидало меня. Прошло некоторое время. Случай с чудовищем уже не казался мне зловещим предзнаменованием смерти, но то, что случилось, позже ввело меня в ужас.

Шёл очередной летний день. Я, как всегда, проводил время за книгами, пока мой друг ушёл порыбачить на Гудзоне. Чтение книг быстро наскучило, третье перечитывание одного романа уже не приносило новых впечатлений. Я переключился на газеты, но из-за них лишь впал в уныние. Там говорилось об очередном всплеске эпидемии, о большом количестве умерших и о безуспешных попытках докторов найти лекарство. Через несколько часов мой друг вернулся со славным уловом. Мы быстро очистили рыбу и приготовили сытный ужин. Мое внимание привлекла повязка на руке друга, и я решил его спросить:

- Где же ты так себя поцарапал? Рыба попала кусучая? - шутя спросил я его.

Посмеявшись, он ответил:

- Нет. Всего лишь небольшая мушка тяпнула за руку. Пустяки!

Далее мы занялись своими делами. Я в очередной раз опустошал стеллажи, а мой друг решил немного вздремнуть. Вечер был тихим, за окном мирно высился над землёй месяц и светило бесконечное количество звёзд. Лишь одна вещь не давала мне покоя: как какая-то мушка могла так сильно укусить? Что, если эта мушка была той тварью? Это заставило меня вспомнить мои суеверия и страхи. На всякий случай я решил проведать друга. Я поднялся на второй этаж и постучал в дверь.

-Эй! Ты здесь? - крикнул я.

В ответ прозвучало невнятное мычание. Тогда я решил приоткрыть дверь и посмотреть, что творится с моим другом. Он лежал на кровати с очень уставшим видом.

- Всё хорошо? – спросил я его.

- Мне что-то не здоровится, - ответил он. - Какая-то жуткая усталость накатила на меня. Можешь принести стаканчик воды? Во рту пересохло.

Я спустился за водой, и меня охватило беспокойство. Я, конечно, знал, что прошло мало времени, но у меня появились опасения. Отнеся воду другу, я решил убедиться, что мои опасения ложные. В маленькой деревушке неподалёку был у меня знакомый лекарь. Я написал ему письмо и отнёс его на почту.

Эту ночь я провёл в одной комнате с другом. Лучше ему не становилось. Он также просил воды, часто вставал, чтобы сходить в туалет. Наутро лекарь все-таки приехал и осмотрел друга. По его лицу было видно, что ждут меня плохие новости. Мои опасения оказались правдивыми: у моего друга холера. Мы были не в силах ему помочь, разве что только облегчить его страдания. Несколько недель он мучился, постоянно просил воды и его очень часто рвало. Голос его сделался сиплым, руки были в морщинах, глаза запали. Вскоре он скончался, и в день его смерти снова пришло чудовище.

Я все время сидел с другом, то и дело принося ему воду. Он склонил голову к окну и хрипло охнул. Я поднял глаза и увидел то самое чудовище. Послышалось душераздирающее жужжание, звук вводящий в отчаяние и страх.

-Оноо... это онооо...- прошептал мой друг.

Но я его не слышал, я был в ступоре. Это существо, насекомое, тварь, не важно. Это оно довело его до смерти, именно оно погубило его. Я не выдержал напора чувств и потерял сознание. Когда я очнулся, мой друг был уже мёртв...

3. Так и неразгаданная тайна Сфинкса.

Наталия Ткачук

Его действие меня насторожило. После нескольких минут тишины я решился спросить у него, в чем дело. Мой друг поведал, что видел то существо, которое описывал ему я. Однако оказалось, что это было лишь видение. По всему нашему городу стремительно распространялась эпидемия. Люди умирали то ли от увиденного ими существа, то ли от инфекции. Я понимал, что нам с другом удалось чудом спастись от этого ужасного видения. С каждым днем город опустошался все больше. Это была самая ужасная неделя, прожитая мною...

Спустя несколько минут я проснулся в холодном поту, в соседней комнате спал мой друг. Я судорожно подскочил с кровати, чтобы посмотреть в окно. Я так и не смог до конца понять, был это сон или явь.

Кристина Овсянникова

А ведь и правда, страх был лишь внушен мне, как объяснил потом хозяин. Он оставался в том же положении, и я заметил, как он уснул. Я вышел из комнаты и направился к кабинету, размышляя о том, что рассказал мне родственник. Удобно усевшись в кресле, я стал засыпать, но был прерван ужасным криком. Я примчался на жалостные возгласы моего хозяина и увидел в кресле, где он сидел последние полчаса, то самое чудовище. Оно сильно изменило свои размеры и, действительно, в тот раз я ошибся с определением формы этого существа. Я протер глаза, надеясь на то, что все это мне привиделось, но тут чудовище стало надвигаться на меня, издавая ужасные звуки. Мне пришлось встретиться со своим страхом лицом к лицу...

На следующий день он умер. Я не помнил ничего и очнулся только тогда, когда приехали врачи и следователи из города. Никогда мне не приходилось испытывать такой страх, я ощущал себя виноватым. Рассказать об этом людям было бы большой ошибкой, поэтому эту историю мой друг забрал с собой в могилу.

Прошло уже много лет, а я все еще не могу понять, что это было. После того случая изучение того существа стало единственным моим занятием. Ключ к тайне я так и не нашел, но, к сожалению, думаю, что кому-то все-таки предстоит ее разгадать...

Анна Заввер

Я не смог поверить в только что услышанное и выхватил из рук хозяина эту странную книгу. Я ещё раз всё внимательно прочитал, рассмотрел, вникая в смысл каждого слова. Я протянул книгу своему собеседнику, уставившись пустым взглядом в окно. В моей голове никак не укладывалась мысль о том, что все мои страхи и опасения являются лишь злой шуткой какого-то насекомого. Это выглядит, по крайней мере, довольно странно, хотя чему удивляться? Может быть, я и не сошел бы с ума, если бы ни эта злосчастная эпидемия, ни этот дом. Все эти книги про знаки и приметы могли ввести меня в состояние безутешного безумства.

Я отклонился на спинку кресла, продолжая сверлить взглядом пейзаж за окном. В это же время хозяин решил, что мои туманные представления чудовища полностью исчезли и решил поговорить со мной на совершенно другую тему. Так я с отрешенным видом полного идиота слушал очередные монологи хозяина о философии, психологии... К сожалению, я не мог участвовать в беседе, мои мысли слишком быстро перемешались, да и какое-то резкое чувство сонливости заставило меня прикрыть уставшие глаза и отключиться на несколько секунд от вечного голоса хозяина.

Я не заметил, как снова начал слышать разного рода звуки. Теперь, вместо птиц, сверчков и монотонного голоса хозяина, я слышал рев машин, сильный ветер, как будто за окном, и чью-то непонятную ругань. С видимым недовольством я открыл глаза. И опять мне пришлось испытать то же чувство, что и тогда, когда я услышал всю правду про своё «чудовище». Полное недоумение, я даже немного опешил и оробел. Я лежал в своей постели, в Нью-Йорке, даже квартира была моя. Ещё несколько минут я изучал комнату, в надежде найти хоть какие-то странные знаки, хоть что-то, чтобы найти объяснение этому безумию. Но увы, к моему сожалению, самые страшные мои опасения оправдались...

На следующем этапе состоялись презентации получившихся финалов. Было прочитано шесть вариантов, каждый из которых подробно обсуждался аудиторией: авторы пытались объяснить, что в тексте Э.А. По позволило им завершить историю именно *так*, а не *иначе*. В дальнейшем оригинальный текст был дочитан, и появилась возможность сравнить его с читательскими вариантами. Эту часть диалога определяли аналитические вопросы, задающие исследовательскую парадигму дальнейшему диалогу:

1. Почему вы решили, что новелла заканчивается именно *так*, а не *иначе*? Аргументируйте свой ответ читательскими наблюдениями.
2. Сколько раз герой видит сфинкса? Как воспринимает он появление чудовища?
3. Назовите все **причины**, повлиявшие на психологическое состояние героя в новелле с точки зрения его друга. Почему важно **все это** учитывать, чтобы понять главное событие произведения – явление Сфинкса?
4. Видит ли хозяин дома чудовище? Как он реагирует на появление чудовища?
5. С какой целью автор изображает спор сторонников **рационального** и **мистического** объяснений явлений природы? Какие аргументы приводит каждый из персонажей в защиту своей позиции? Обратите внимание на слова, с помощью которых Сфинкс описывается как чудовище и как насекомое. Как они связаны друг с другом?
6. Сравните два описания Сфинкса. Зачем автор включает их в свое произведение?
7. Какое значение в новелле имеет упоминание о книгах, стоящих в библиотеке хозяина дома?
8. Можно ли свести смысл новеллы к смыслу пословицы «У страха глаза велики»?
9. Зачем в самом начале новеллы автор сообщает об эпидемии холеры в Нью-Йорке? Как это событие связано с остальными событиями?
10. Совпадает ли **точка зрения автора** с одной из представленных здесь позиций, или же он хочет, чтобы читатель обратил внимание не только на **силу человеческого разума**, но и на **тайну природы**, не поддающейся рациональному объяснению? Что для автора означает? Обоснуйте свою точку зрения.
11. Как бы вы объяснили смысл названия новеллы?

Наблюдения читателей были зафиксированы в следующей таблице:

Рационалистическое объяснение – Иррационалистическое объяснение
 Вера в приметы, знамения – Курьез, имеющий естественно-научные
 характер

Меланхоличное, мрачное унастроение - Спокойствие,
 уравновешенность

Впечатлительность, болезненное воображение - Трезвый рационализм
 Мистика - Рассудок.

«Эзотерические книги» - Научные литература

Жуткое чудовище – Насекомое

Пасть - Ротовые органы

Косматая шерсть - Щетинки

Сплошная загадка,

Тайное – Явное

Загадка – Разгадка

Сфинкс как имя мифологического чудовища – Сфинкс как научно-
 биологический термин, обозначение рода насекомых

Многие пришли к выводу, что автору важно было показать недостаточность одной (рационалистической или мистической) точки зрения на происходящее. Тайна появления Сфинкса связывалась читателями с соотносительностью этих позиций. Таким образом, можно было заметить, чей финал в наибольшей степени приближался к авторскому, чей – в наименьшей. Как видим, креативная рецепция и последующий анализ «Сфинкса» помог не только обнаружить различия между позицией героя и автора в произведении, но и выйти на разговор о природе гротеска – художественного мирообраза, рождающегося на основе использования принципа *перехода границ*, художественной логики «двутелого тела» (М.М. Бахтин).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н.Д. Тамарченко, С.П. Лавлинский

Мир без границ возможного: гротескно-фантастическая традиция (материал программы 7 кл.)

Эдгар Аллан По.
 Сфинкс

Часть 1. Тайны чужого пространства и времени в “готической” литературе

Эдгар Аллан По.
 Метценгерштейн
 Маска красной смерти.

Вальтер Скотт
 Комната с гобеленами

Николай Васильевич Гоголь.
Портрет

Роберт Льюис Стивенсон.
Странная история доктора Джекила и мистера Хайда

Часть 2. “Искаженные” или “исправленные” миры философской сатиры, утопии и антиутопии

Федор Михайлович Достоевский.
Бобок

Александр Сергеевич Пушкин.
Гробовщик

Николай Васильевич Гоголь.
Нос

Валерий Брюсов.
В башне

Говард Филип Лавкрафт.
Белый корабль

Михаил Афанасьевич Булгаков.
Роковые яйца

Виктор Пелевин.
Синий фонарь

Часть 3. Гротескно-фантастическая реальность драматической сказки

Евгений Шварц.
Тень

Часть 4. “Пограничные” миры русской поэзии

Александр Пушкин.
Анчар

Николай Гумилев.
Лес
«На Венере...»
Прапамять

Михаил Лермонтов.
«Когда волнуется желтеющая нива...»
Сон

Яков Полонский.
Зимний путь

Александр Блок.
«За туманом, за лесами...»
«Как тяжело мертвецу среди людей...»
«Ночь, улица, фонарь, аптека...»

Николай Заболоцкий.
Движение
Прохожий

<Из школьного литературоведческого словаря>

Гротеск – одна из форм художественного «мирообраза» (наряду с «классическим»), разновидность фантастического способа изображения действительности в литературе, основанное на совмещении границ,

метаморфозах (превращениях) прямо противоположных явлений (малого / большого; верхнего / нижнего; «возможного» / «невозможного»; человеческого / нечеловеческого; живого / неживого и пр.). Гротеск создает пространственно-временную перекомбинацию предметов и частей тела и использует оптику «обратной перспективы», использование которых мотивируется столкновением *героя* (и/или *читателя*) с явлением, выходящим за рамки той картины мира, что принято считать «обычной» («объективной», «обыденной», «исторически правдивой / достоверной» и пр.).

Гротескная фантастика характеризуется тремя чертами: смещением разнородных областей природы, безмерностью в преувеличениях и умножением отдельных органов. «Свободная игра телом» в гротескной фантастике стирает границу между физическим и умственным, материальным и духовным, вещественным и словесным, субъектным и объектным, порождая амбивалентные (двудеиные) образы. Многочисленные средневековые «бестиарии», истории о путешествиях как действительных (Марко Поло, 13 в.), так и вымышленных (Жан де Мандевиль описывал драконов, гарпий, ликорн, фениксов и др.) изобилуют сюжетными и несюжетными миниатюрами, рассказывающими о людях, тело которых имеет гротескный образ. Особое внимание уделялось описанию невиданных человеческих существ, отличающихся «смешанным» телом (например, гиппоподы, ноги которых снабжены копытами, сирены, циноцефалы, лоающие вместо того, чтобы говорить, сатиры, оноцентавры; великаны, карлики, пигмеи; люди, наделенные разнообразными уродствами: сциоподы, имеющие одну ногу, леуманы, лишённые головы, с лицом на груди; люди с одним глазом или на лбу, или на плечах, или на спине; шестирукие люди т.п.). Все это, как писал русский мыслитель М. М. Бахтин, – «необузданное гротескное фантазирование, «нарушение всех границ между телом и миром» (Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле. - С. 382, 384). Важное значение традиции гротескной фантастики приобретает в готических романах, в которых границы между *рациональным* и *иррациональным*, *живым* и *мертвым*, *прошлым* и *настоящим* оказываются смещенными: призраки разговаривают с живыми, неодушевленные предметы проявляют свою тайную сущность и т.п.

С. Лавлинский